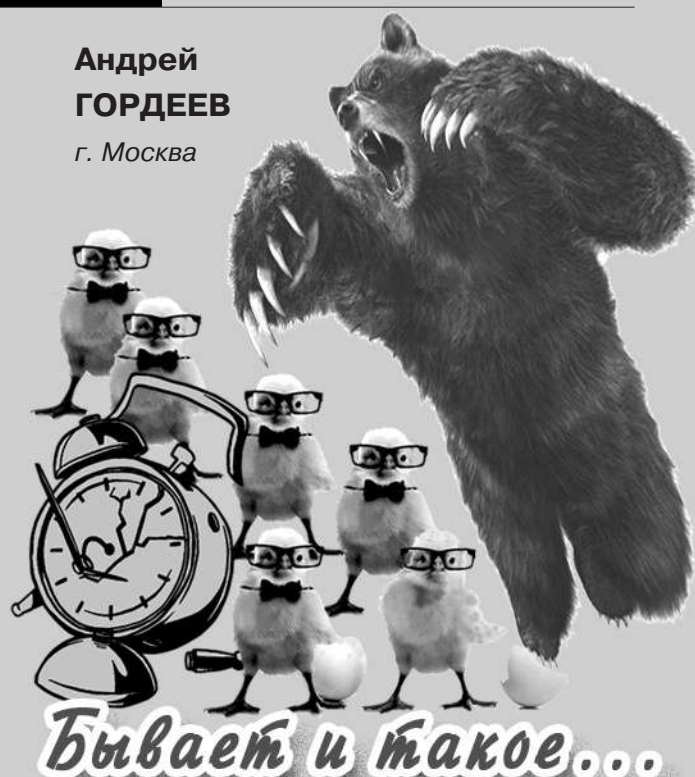

114 СЮЖЕТЫ ИЗ ЖИЗНИ

**Андрей
ГОРДЕЕВ**

г. Москва

ЦЫПЛЯТА

Все студенты ветеринарной академии, чтобы получить диплом, должны были заниматься наукой. Ездили по подшефным хозяйствам и ставили эксперименты над несчастными животными. В нашем «кружке» мы баловались генетикой, а именно – воздействием на организм ультрамалых доз супермутагенов. Если сказать проще, это был смелый эксперимент по производству «живой воды» – мечты человечества.

Испытательным полигоном для нас служила Михневская птицефабрика, директором которой был бывший студент нашего вуза. Именно поэтому мы, практиканты, здесь чувствовали себя как дома. Молодые и красивые, в белых халатах, мы важно, с умными лицами расхаживали по всей фабрике, вызывая у птичниц слезы восторга. Нас допускали даже в святая святых – в инкубатор, куда сам директор без дела не заглядывал.

А мне однажды очень повезло. На проведение очередного опыта над маленькими цыплятками я поехал в компании Веры Гузенко – самой симпатичной девушки из нашей лаборатории. Уже в электричке я принялся расточать перед ней всё свое обаяние и остроумие, щедро сдабривая это

угощением – мороженым и газировкой. Вера оказалась еще и девушкой с чувством юмора, так что мы весело прохохотали всю дорогу.

Прибыли на место мы уже поздно, почти за полночь, когда в инкубаторе оставалась лишь одна птичница – дежурная. Это была старая седая женщина, которая и сама очень походила на добрую курицу: так она суежилась, как хохлатка, показывая нам свое хозяйство и нежно называя цыплятами.

Мы, конечно, важничали и умничали, а она от этого еще более восхищалась нами. «Надо же, молодые ученые!.. И культурные!.. – квохтала она без умолку. – А Мишка-то мой – мотоциклист, ничего не умеет, придурок! Только водку жрёт и матом содит напропалую!»

Наконец, управившись со своим скарбом, она ушла спать в комнатку рядом, а мы с Верой остались почти одни. «Почти» – потому что в лотках инкубатора в это время начали вылупляться тысячи писклявых желтых комочков. Каждого надо было пометить, отделив «опытных» цыплят от «контрольных». Работы у нас с Верой невпроворот, любезничать особо некогда, и мы с лихим энтузиазмом взялись за дело. Одним подопытным мы красили пушок на голове зелёнкой, другим – йодом: это чтобы потом одних от других отличать и за ростом следить.

В каждом лотке было около ста свежевылупившихся цыплят. Все они оглушительно орали как потерпевшие, требовательно вскидывали жадно открытые клювы. Но мы, не церемонясь, выхватывали их из теплого сообщества, метили и отправляли обратно. Разговаривать нам с Верой было некогда, да и невозможно. Птичий базар! И без того тяжелые лотки с каждым часом становились всё тяжелее. Уже тысячи пернатых были помечены, а конца и краю не видно. Крик, шум! Зелёнка, йод!.. Глаза слипаются, в горле першит. В ушах – баротравма от писка! Вот в таком «прекрасном» состоянии я и моя симпатичная коллега встретили утро.

Оставался последний лоток, когда мои нервы сдали. Я нехорошо рассмеялся и, ошавевший от усталости, решил повеселить себя и спутницу. Когда я пририсовал одному из цыплят очки, он сразу перестал орать и с комичной важностью начал прохаживаться среди соплеменников – интеллигентия, блин. Мы с Верой грохнули смехом. Теперь за кисточку взялась она, и через пару секунд в лотке вместо цыпы сидел «дрозд» собственной персоной. Я ответил Вере, разрисовав птичку под пирата. Она отплатила мне «волнистым попугаем». И тут такое началось!..

Усталость нашу как рукой сняло. Мы творили! Это был настоящий «боди-арт». Из-под кисти то и дело

выходили «орлы» и «динозавры», «клоуны» и «матросы»... Все они как будто даже меняли манеру поведения, чтобы соответствовать имиджу. Смех, да и только! Скоро в лотке не осталось ни одного похожего на себя цыпленка. Мы разрисовали всех.

Наконец усталость взяла над нами верх. Мы, довольные собой молодые ученые, все еще посмеиваясь, задвинули последний лоток в инкубатор и стали собираться домой.

Проснулась птичница. По старушечьи кряхтя, она выползла из своей каморки, расправила перышки и опять закудаhtала: «Ой вы милые мои! Хохохут, как будто и не устали совсем». Мы с Верой сразу приосанились, посерьезнели.

«Да смейтесь, смейтесь! – понимающе кивнула птичница. – Небось, работу скинули – вот и веселитесь. Дело-то молодое! А ну, глянем, как там мои лапочки после ваших опытов себя чувствуют?» И тетка сонно задвигала тапками в сторону инкубатора.

Вот почему она схватила именно тот последний лоток? Остальные выдвигать было намного удобнее! Так нет же, она достала именно последний!

Видимо, спросонья несколько минут бедная женщина не шевелилась, разглядывая наши «художества», а потом вдруг тихохонько взвыла, как на похоронах: «Ой вы бедненькие мои сиротинушки, на минуточку вас оставила! Вы только посмотрите, что с вами сделали!»

Разношерстная компания в лотке, состоящая сплошь из «дятлов», «индейцев», «профессоров» в очках и «панков» с ирокезами, за ночь успела изрядно подрасти и окрепнуть голосом и теперь встречала свою покровительницу многократным «ура!» на птичьем языке. Ее лицо очень медленно повернулось в нашу сторону. «Это вот вы какой «наукой» занимаетесь! Курам на смех называется!» – заводилась она, меряя нас гневными взглядами. – Сказали, что из ветеринарной академии, а сами из академии художеств небось! Мишка-то мой хоть и балбес балбесом, а ему и в голову не придет над птицею издеваться! Да я его убила бы, гада, разрисуй он мне хоть одного цыпленка! Идите давайте подбру-поздорову, пока я охрану не позвала! А директору скажу, чтоб не пускал вас больше! Нечего здесь сразу разносить!»

Обратная дорога до Москвы пролетела незаметно, потому что в электричке мы с Верой спали, облокотившись друг на друга, как два раненых партизана. Сонное состояние не покинуло нас, когда мы ступили на перрон столичного вокзала. Кассирша метрополитена брезгливо поморщилась, едва я протянул ей рубль рукой, покрытой зелено-желтыми пятнами, и, почти не касаясь, смахнула бумажку в свою кассу.

Мы немного поспали в метро, немного – в автобусе, и вот уже перед нами стены родной академии, залитые веселым утренним солнышком. Конечно, за этими стенами нас с Верой ждал позор расплаты за все наши самовыражения, но мы не боялись его. Мы теперь вообще ничего и никого не боялись, потому что шли навстречу судьбе, крепко взявшись за руки, а из всех экспериментов земли нас интересовали только наши личные исследования друг друга. Эти опыты мы проводили с удовольствием и рвением, которому мог позавидовать бы сам академик Вернадский. Нас ждали открытия на этом пути, а остальное всё как-то меркло. Молодость потому что!

БУДИЛЬНИК

Эта история случилась в середине восьмидесятых годов прошлого века. Тогда ещё не изобрели карманные электронные гаджеты. Люди пользовались механическими приспособлениями отечественного производства и были счастливы и довольны тем, что имели.

Долго сидел без работы Александр Викторович. Профессия редкая – специалист по контрольно-измерительной аппаратуре в авиации. Но наконец повезло: устроился в аэропорт недалеко от дома – в часе езды.

Приготовил он свой любимый мотоцикл. Раздобыл и нагладил красивую рабочую форму. Предусмотрительно завел на семь часов утра надёжный механический будильник.

Первый день работы! Опаздывать нельзя! С этими мыслями он и уснул уже почти под утро.

Проснулся Александр от яркого солнечного света. На часах было уже девять часов, а будильник предательски молчал. Викторович пулей вылетел из дома. Мотоцикл летел, как взбесившийся гепард, будто мог обратить время вспять.

Не получилось. Опоздание в первый день работы на два с половиной часа!

Начальник ничего не сказал, но многозначительно посмотрел на наручные часы и вздохнул. Александру было невыносимо стыдно.

Вернувшись домой, он проверил коварный будильник, а тот, как назло, работал безукоризненно. Специально лег спать пораньше, чтобы не проспать, но спал плохо, постоянно просыпаясь и подозрительно поглядывая на будильник.

Проснулся, как и в прошлый раз, в девять часов. Будильник молчал. Будто бойкот объявил. Викторович так на него разгневался, что хотел разбить о стену, но сжалился и побежал к мотоциклу. На работе начальник непонимающе посмотрел на

него и на этот раз высказал молодому специалисту претензию, жестко намекнув на пунктуальность, столь необходимую в авиации.

С работы Александр вернулся крайне раздосадованным. Долго вертел в руках злополучный будильник и даже вскрыл его, проверяя содержимое. Внутри всё вертелось, крутилось исправно, стрелки стояли по струнке и показывали точное время. Звонок Саша проверил четыре раза. Будильник весело звенел, будто подтрунивая над хозяином. Мистика какая-то! Викторович грустно покачал головой и лёг спать.

Ему снились сказочные самолёты, уносящие его прочь от опозданий и начальства, прочь от коварного будильника. Сон был так сладок, что просыпаться совсем не хотелось. Но всему хорошему приходит конец.

В глаза ударил луч солнца. Оправдались худшие ожидания. Молчаливый будильник ухмылялся всем своим циферблатом, показывая половину десятого. Торопиться было уже совсем поздно. Александр зевнул, сунул ноги в шлепанцы и зашаркал ими в сторону кладовки в поисках инструмента. Вернулся он с большими кусачками. Сначала он откусил ими стрелки от будильника, жестоко искромсал крышку и корпус, на мелкие кусочки раскурочил весь механизм. Пришёл в себя, только когда на столе образовалась блестящая горка мелких металлических фрагментов.

Теперь Александр Викторович ехал на работу не торопясь, со сладким чувством свершившейся мести и гордо поднятой головой. Он готов был и к нагоняю от начальства, и к укоряющим взглядам коллег, и даже к выговору в письменной форме. Мотоцикл нёс на работу победителя!

МЕДВЕДЬ

Наш гарнизон притаился между холмов на южном берегу Ледовитого океана. Ужасно холодно, но очень красиво: сопки, тундра, северное сияние и метели. Из живности – олени, песцы, лемминги и гигантские медведи, которые властвовали над прочим животным миром, снисходительно озирая его с вершины пищевой цепочки. Вот в таких реалиях и приходилось служить: разгребать сугробы, долбить ломami мерзлоту, а приказы выполнять бегом, но не от усердия, а от желания не примерзнуть к матушке-земле.

Меня часто назначали начальником караула. По очереди с разводящим мы выводили часовых на посты. Трудновато, конечно, особенно лютой зимой, но всё-таки терпимо, так как проверяющие офице-

ры не баловали нас своим вниманием, предпочитая отдыхать в тёплых казармах, от которых до караульного помещения была добрая пара километров. Частые снежные заносы вовсе не мотивировали офицеров пускаться в путь: риск утонуть в сугробах был слишком велик. Таким образом, мы тихо и спокойно тащили службу, стойко переносая тяготы и лишения в условиях Заполярья.

Привычно-комфортную северную пастораль разрушил прибывший с юга офицер – младший лейтенант Тахалов. То ли его мучила полярная бессонница, то ли младший пытался проявить себя перед начальством, но с пулемётной частотой начал он бегать в караулку и проверять нашу растерянную из-за отсутствия контроля бдительность. Помогали ему в этом маленькая собачка неизвестной породы, огромная шапка с опущенными ушами и невероятного размера валенки, которые Тахалов использовал как лыжи, презирая снежные заносы. Равно как и находящихся в карауле бойцов.

Конечно, бдительный дневальный из казармы звонил в караулку и старался предупредить нас о коварных визитах, но несколько раз Тахалов заставлял нас врасплох за игнорированием устава и устраивал разносы. В конце концов это лишило нас ощущения радостной автономности и наглой индивидуальности. Смириться с такой утратой в суровых северных условиях было особенно трудно.

И вот, собравшись всей караулкой, мы начали обдумывать, каким образом «купировать» эту вредную привычку младшего лейтенанта. В результате «мозгового штурма» возникло много вариантов, но ничего толкового предложено не было.

И тут взгляды бойцов одновременно задержались на часовом, надевавшем полковой тулуп для выхода на пост. Тулуп был бараний, очень лохматый; вывернутый наизнанку, он напоминал шкуру убитого медведя. «Эврика!» – закричали все разом.

Нашу эйфорию прервал тревожный звонок дневального. Тахалов надвигался на нас с проверкой – а значит, со страстным желанием выявить нарушения и жестоко наказать виновных.

Через пять минут раздался звонок в караулку. Я подошел и глянул в дверное окошко. Проверяющего не видно, но его присутствие выдавала собачка, задорно бегающая за снежинками по ледяному насту напротив окна. Чтобы повеселить офицера, я нарочно, будто идиот, высунул голову из полуоткрытой двери и тут же получил удар по шее ребром ладони.

– Вот я тебя и убил! – сказал бдительный Тахалов радостным голосом и прошел в караулку.

Осмотрев внутреннее пространство, он попросил чаю и зябко поёжился в тоненькой шинели. Пока закипал чайник, мы завели разговор о суро-

вой природе северных окраин... О бедной флоре и опасной фауне.

– Вам по пути медведь не попадался? – поинтересовался я как бы невзначай.

На лице младшего лейтенанта отразилась тень недоверия и испуга одновременно.

– Ты хочешь сказать, что здесь и медведи водятся? – спросил он дрогнувшим голосом.

– Мало их здесь, – «успокоил» я побледневшего офицера и картинно зевнул. – Но один таки повадился шастать вокруг караулки. Роется в помойке, орёт громко.

Я понял, что попал в цель. Глаза Тахалова тревожно забегали, он сразу заторопился обратно, даже чай недопил. Вышел из караулки, опасливо озираясь.

Наш план работал...

Визиты офицера стали реже. Это было уже неплохо. Теперь предстояло подготовить «медведя». На его роль очень подходил рядовой Федя Балов. Он был двухметрового роста и обладал великолепным басом. Мы попросили Федю надеть тулуп шиворот-навыворот и изобразить, как рычит медведь. Сперва он рыкнул тихо и как-то неубедительно. Тогда мы пообещали ему шмат сала и целую банку сгущенки. И тут уже Федя заорал так, что даже часовой на посту услышал и нажал кнопку тревоги.

Рядом с караулкой был живописный сугроб. Мы вырыли в нём яму и стали ждать очередной проверки.

Наконец через пару дней нам позвонил из казармы дневальный и сообщил, что Тахалов идёт к нам в

гости. Федя быстренько нацепил тулуп наизнанку, выбежал из караулки и спрятался в сугроб. Мы закидали его снегом, выключили свет и стали наблюдать через окно за приближением проверяющего.

Едва отважный офицер поравнялся с нашей засадой, рядовой Балов встал во весь рост и заревел так, что посыпался снег с крыши караулки. Даже северное сияние, казалось, свернулось, испугавшись этого крика.

Первой рванула в сторону казармы собачка, залиристо оглашая окрестности тонким лаем. Следом за ней бросился наутёк младший лейтенант. Да! Не до проверок было ему в этот момент. А Федя, вместо того чтобы остановиться, в своём актёрском порыве с рёвом кинулся в гонку преследования.

Компания растворилась в темноте, а мы замерли в тревожном ожидании. Мало ли что – всё-таки погоня не входила в наши планы...

Вскоре в дверь караулки позвонили. Это был запыхавшийся рядовой Балов:

– Уф! Не догнал. Тулуп тяжелый.

В руке у него была огромная офицерская шапка и изрядного размера валенок. Всё это потерял Тахалов, спешно отступая в сторону казармы.

С этого дня прекратились коварные проверки младшего лейтенанта. Валенки мы ему подбросили по возвращении из караула, а шапку отдали Феде Балову вместе со шматом сала и банкой сгущенки. Заслужил солдат.

□

Андрей Валентинович ГОРДЕЕВ

родился в 1962 году в городе Ногинске Московской области.

В 1979 году поступил в Московскую академию

ветеринарной медицины и биотехнологии.

С 1984 по 1986 год служил в армии.

В 1987 году основал рок-группу «Манго-Манго»

и по сей день является её солистом и автором песен.

В журнале «Север» публикуется впервые.

